Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 88–99.
Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 88–99.

Научная статья
УДК 930.25(571.53)
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/88-99

Значение слабого контроля границ Российской империи в криминальном потенциале Восточной Сибири в начале XX в.

Артем Сергеевич Петров
Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, partem11@rambler.ru

Аннотация. В Восточной Сибири в начале XX в. наблюдался высокий уровень тяжкой преступности. Особенно высоким был уровень убийств. На криминализацию Восточной Сибири существенное влияние оказывал слабый и неэффективный контроль рубежей страны органами государственной власти. Благодаря этому в Восточную Сибирь из Китая массово и бесконтрольно проникали китайские подданные, которые совершали в этом приграничном регионе множество тяжких преступлений. Слабый контроль границы позволял китайским преступникам в дальнейшем также перейти границу в обратном направлении и скрыться от уголовного преследования и наказания.
Ключевые слова: *Российская империя, Восточная Сибирь, Китай, приграничное положение, граница, китайские иммигранты, преступления, пограничные службы*
Для цитирования: Петров А. С. Значение слабого контроля границ Российской империи в криминальном потенциале Восточной Сибири в начале XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2026. Т. 20, № 3. С. 88–99. https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/88-99

Original article
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/88-99

The Impact of Weak Border Control in the Russian Empire on Crime in Eastern Siberia in the Early Twentieth Century

Artem S. Petrov
Transbaikal State University, Chita, Russia, partem11@rambler.ru

Abstract. In the early 20th century, Eastern Siberia experienced a high level of serious crime. The murder rate was especially high. The criminalization of Eastern Siberia was significantly influenced by weak and ineffective control of the country's borders by government authorities. Due to this, Chinese nationals entered Eastern Siberia from China in large numbers and without effective control, committing many serious crimes in this border region. Weak border control allowed Chinese criminals to later also cross the border in the opposite direction and escape criminal prosecution and punishment.
Keywords: *Russian Empire, Eastern Siberia, China, border position, border, Chinese immigrants, crimes, border services*
For citation: Petrov A. S. The Impact of Weak Border Control in the Russian Empire on Crime in Eastern Siberia in the Early Twentieth Century // Ojkumena. Regional Researches. 2026. Vol. 20, No. 3. P. 88–99.
https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-3/88-99

Актуальность исследования обусловлена возможностью основательно осмыслить обсуждаемую в последние годы проблему тщательной охраны государственной границы, которая нередко является показателем правопорядка, стабильности и развитости органов государственной власти. Научная значимость темы заключается в установлении роли контроля рубежей страны в криминализации приграничного региона Российской империи в начале XX в.

История Восточной Сибири имеет достаточно тесную взаимосвязь с преступностью. Многие аспекты этой проблемы учёными уже основательно исследованы и проанализированы. Вместе с тем ряд вопросов всё ещё остается без должного научного внимания. К таковым можно отнести проблему зависимости уровня преступности в восточной части Российской империи от слабого контроля органами власти рубежей страны.

Целью данного исследования является установление зависимости криминальной обстановки в Восточной Сибири в начале XX в. от массовой иностранной миграции, возникшей в результате слабого контроля властями границ империи. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1900 по 1917 г. Географические рамки исследования включают Иркутскую губернию и Забайкальскую область. В настоящее время на данных территориях расположены Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край. Преступность и противодействие ей на территории Прибайкалья и Забайкалья в начале XX в. исследовались автором на основе делопроизводствен-

© Петров А. С., 2026

ной документации органов власти, статистических источников, а также материалов периодической печати начала XX в.

Существенный вклад в разработку проблем иностранной миграции в начале XX в. на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока внесли многие учёные, в том числе В. Г. Дацышен, В. С. Бойко, А. Г. Ларин, Ф. В. Соловьев, Ю. В. Зубарева, И. В. Пивоварова, Ю. Н. Ланцова, В. А. Гайкин, А. В. Загорулько **[5, с. 76–77; 9, с. 160–164; 10, с. 125–127; 11, с. 128; 14, с. 140–142; 15, с. 129–132; 20, с. 34–148; 44, с. 38–69]**. Вопросы массовости иностранной преступности в начале XX в. в восточной части Российской империи поднимались в исследованиях Н. А. Шабельниковой, Н. А. Беляевой, В. В. Синиченко, А. И. Петрова, С. Н. Ляпустина **[3, с. 26–39; 26, с. 110–130; 27, с. 189–190; 41, с. 177–178; 43, с. 28–38; 50, с. 45–47; 51, с. 414–415]**. Эффективность контроля границы на восточной окраине империи нередко оценивалась в публикациях, посвященных борьбе органов правопорядка с преступностью, в том числе и с контрабандой **[3, с. 18–27; 4, с. 104–106; 17, с. 25–38; 18, с. 36–45; 21, с. 93–99; 42, с. 21–26; 49, с. 29–37]**. Примечательно, что основательной исторической проработке подвергалась в большей мере иностранная миграция и охрана рубежей страны на Дальнем Востоке Российской империи. Иностранная миграция и охрана границ империи в Восточной Сибири удостоились внимания учёных в меньшей степени.

В начале XX в. Восточная Сибирь в Российской империи по уровню преступности находилась на лидирующих позициях. В пересчёте на число жителей тяжких преступлений в этой отдалённой части империи ежегодно регистрировалось обычно в 1,5–2 раза больше, чем в среднем по стране. Особенно же много из года в год в восточной части Сибири совершалось убийств. В пересчёте на число жителей убийств в этом регионе совершалось в 2–3 раза больше, чем в среднем по Российской империи **[18, с. 25–28; 28, с. 81–82; 43, с. 36–42; 49, с. 28–32]**. В качестве примера можно привести сравнительные результаты статистических подсчётов уровня убийств (коэффициент убийств) за 1908–1909 гг. в Российской империи (без учёта Финляндии) в целом, в Иркутской губернии и в Забайкальской области. Примечательно, что это были далеко не самые криминальные для Восточной Сибири годы. Для сравнения также вычислим уровень убийств (коэффициент убийств) за 1908–1909 гг. в г. Санкт-Петербурге, который в исследуемый период считался одним из самых криминальных городов страны. Коэффициенты расчитаны автором самостоятельно с опорой на сведения из нескольких исторических источников. На международном уровне исследователи ещё в XIX в. условились при определении степени (потенциала, уровня) преступности в определённой местности для сравнительного исследования высчитывать коэффициент преступности. Для этого число преступлений, число преступников и т. п. пересчитывается на 100 тыс. человек соответствующей местности. Результаты подсчётов за 1908 г. представлены в *таблице 1*. Результаты подсчётов за 1909 г. синхронизированы в *таблице 2*.

Из *таблицы 1* видно, что в пересчёте на 100 тыс. жителей в Иркутской губернии в 1908 г. было убито почти в 5 раз больше человек, чем в среднем в Российской империи, а также почти в 4 раза больше, чем в г. Санкт-Петербурге. В Забайкальской области в 1908 г. было убито почти в 3 раза больше человек, чем в среднем в Российской империи, а также почти в 2 раза больше, чем в г. Санкт-Петербурге. Из *таблицы 2* видно, что в пересчёте на 100 тыс. жителей в Иркутской губернии в 1909 г. было совершено примерно в 5 раз больше убийств, чем в среднем в стране, а также в 3 раза больше, чем в г. Санкт-Петербурге. В Забайкальской области в 1909 г. было совершено примерно в 3 раза больше убийств, чем в среднем в Российской империи, а также в 2 раза больше, чем в г. Санкт-Петербурге.

Высокая степень криминальности этих российских территорий была обусловлена различными причинами. При этом существенную роль играло приграничное положение региона, наличие очень протяженной и слабо охраняемой границы, а вернее – возможность массовой бесконтрольной миграции в эту местность иностранных подданных из сопредельных государств. Примечательно, что иммигранты из числа подданных Монголии, Кореи, Японии не доставляли Российской империи каких-либо проблем, особенно связанных с

Табл. 1. Результаты подсчётов за 1908 г.
Table 1. Results of calculations for 1908

	Иркутская губерния	Забайкальская область	г. Санкт-Петербург	Российская империя (без учёта Финляндии)
Число жителей	577 700	745 600	1 864 900	152 464 700
Число убийств	623	488	501	33 988
Количественный уровень убийств в пересчёте на 100 тыс. жителей соответствующей местности (коэффициент убийств)	107,8	65,5	26,9	22,3

Примечание: данные округлены до десятых.

Источник: составлено автором на основе **[12, с. 29–50, 52, 53, 54; 23, с. 80; 37, с. 137, 141; 38, с. 44, 45; 45, с. 54]**.

Source: compiled by the author based on **[12, p. 29–50, 52, 53, 54; 23, p. 80; 37, p. 137, 141; 38, p. 44, 45; 45, p. 54].**

преступностью, а иммигранты из Китая – наоборот **(РГИА[1]. Ф. 1284. Оп. 194. 1914 г. Секретарская часть. Д. 41. Л. 1-17) [6, с. 16-22; 50, с. 45]**.

Следует отметить, что уже в конце XIX в. в Прибайкалье и Забайкалье китайских подданных проживало в несколько раз больше, чем на остальной территории Сибири. Вместе с тем их было несравненно меньше, чем в городах русского Дальнего Востока. При этом подавляющее большинство китайских иммигрантов проживало в Восточной Сибири временно **[10, с. 126]**. Известно, что по переписи 1897 г. в Забайкальской области проживало 2 363 китайских подданных, в Иркутской губернии – 75 **[24, с. 58–59; 25, с. 54–55]**.

Точную численность китайских иммигрантов, ежегодно приходивших в восточную окраину Российской империи в начале XX в., особенно нелегальных китайских иммигрантов, установить достаточно сложно. Вместе с тем ряд исторических источников свидетельствует о её примерных масштабах. Известно, что ежегодно в летний период достаточно большое количество китайских иммигрантов стремилось попасть в места законной и незаконной добычи золота. К примеру, в летний период 1909 г. только в районе золотых промыслов Кабинета Его Императорского Величества, расположенных в Забайкальской области, было сосредоточено примерно 9648 китайцев, в районе частных золотых промыслов Шилкинско-Аргунского горно-полицейского округа – 1541, в районе Баргузинского горно-полицейского округа – 277, в Нерчинском уезде – 610. Всего же, по подсчётам правоохранительных органов, китайских иммигрантов на территории Забайкальской области летом 1909 г. было более 13,5 тыс. человек. Существенно увеличился приток китайских иммигрантов в Восточную Сибирь после 1911 г., когда в Цинской империи произошел социально-политический кризис. Так, летом 1912 г. только в Нерчинском уезде Забайкальской области было сосредоточено 2493 китайских подданных, в районе Баргузинского горно-полицейского округа – 888, в районе промыслов Кабинета – 8756 китайцев. Всего в 1912 г. китайских подданных в Забайкальской области насчитывалось уже около 22 тыс. человек. Точные подсчёты китайских иммигрантов затруднялись из-за их постоянных передвижений с одного места на другое **(ГАЗК[2]. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 238–240; Д. 14244. Л. 144, 158, 163–163об, 180, 184, 208) [22, с. 80–81; 45, с. 54]**.

Согласно донесению одного из полицейских приставов золотых промыслов Кабинета Его Императорского Величества, в подведомственные ему участки в 1910–1912 гг. ежегодно по сухопутной границе через Маньчжурию приходило около 3 тыс. китайских иммигрантов. Почти все они по окончании золотопромышленного сезона (осенью) возвращались через границу обратно в

[1] РГИА – Российский государственный исторический архив.

[2] ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края.

Табл. 2. Результаты подсчётов за 1909 г.
Table 2. Results of calculations for 1909

	Иркутская губерния	Забайкальская область	г. Санкт-Петербург	Российская империя (без учёта Финляндии)
Число жителей	656 900	806 500	1 930 900	157 079 500
Число убийств	620	483	575	30 942
Количественный уровень убийств в пересчёте на 100 тыс. жителей соответствующей местности (коэффициент убийств)	94,4	59,9	29,8	19,7

Примечание: данные округлены до десятых.
Источник: составлено автором на основе **[13, с. 34–52, 55, 60; 23, с. 80; 39, с. 210, 214, 215; 45, с. 54]**.
Source: compiled by the author based on **[13, p. 34–52, 55, 60; 23, p. 80; 39, p. 210, 214, 215; 45, p. 54]**.

Китай "на зимовку". Некоторые оставались "на зимовку" в городах Забайкалья. По наблюдениям пристава, с каждым годом иммигрантов приходило всё больше. При этом ежегодный прирост вновь пришедших китайцев составлял примерно 10% **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 180–187; Д. 14244. Л. 202)**.

Согласно другому историческому источнику, только на Киларский прииск Нерчинско-Заводского уезда Забайкальской области к 19 марта 1911 г. прибыло (проживали в фанзах и землянках) около 500 китайских подданных. К 5 апреля 1911 г. их проживало уже 600. И это было только начало летнего золотопромышленного сезона. Все прибывшие китайские подданные были мужского пола и имели возраст от 20 до 35 лет (возраст наибольшей социальной активности) **(ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 29. Л. 6–9)**.

Масштабы китайской миграции в административном центре Иркутской губернии (г. Иркутск) были не столь велики, но все же достаточно существенны. Например, в 1914 г. в г. Иркутске проживало 1077 китайских граждан **(ГАИО[3]. Ф. 25. Оп. 11. К. 569. Д. 12. Л. 85–86об)**. О масштабах нелегальной китайской иммиграции в административном центре Забайкальской области (г. Чита), который располагался от российско-китайской границы на расстоянии в 400 км, говорят следующие цифры. Только в декабре 1907 г. в ходе полицейских рейдов по городу в арестный дом при городской полиции было помещено около 100 беспаспортных китайцев, которых в дальнейшем к тому же пришлось отпустить, освободив арестный дом для этапируемых каторжан, временно, по причине сильных морозов, оставленных в Чите **(ГАЗК. Ф. 1п. Оп. 2. Д. 264. Л. 324)**. По сообщению читинского полицмейстера, за 1905–1911 гг. читинской полицией было выявлено 1547 случаев проживания в городе нелегальных китайских иммигрантов **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 14244. Л. 196–198)**. По приблизительным подсчётам полиции, летом 1909 г. в Чите постоянно проживало 569 китайцев **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 239–240)**. В 1910 г. только в казачьей станице Титовской Читинского уезда, которая располагалась в нескольких километрах от Читы, проживало примерно 300 китайских подданных **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 14244. Л. 193–194; Ф. 24. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–19)**.

В период Первой мировой войны наблюдалось ещё большее увеличение законной и незаконной иммиграции из Китая. Китайские подданные в это время пытались восполнить нехватку трудовых ресурсов в Восточной Сибири, воспользовавшись связанными с войной затруднениями российской власти **[9, с. 128; 46, с. 336–349; 48, с. 3]**. Многие из трудовых иммигрантов старались попасть на Урал и в Европейскую Россию **[10, с. 127]**. Однако не всегда им это удавалось, и они в результате различных обстоятельств оказывались в транзитной местности, т. е. в Восточной Сибири. Так, в 1915 г. крупную часть

[3] ГАИО - Государственный архив Иркутской области.

законтрактованных в г. Перми китайских подданных не взяли по месту назначения и отправили обратно. В итоге только на железнодорожном вокзале в г. Иркутске к октябрю 1915 г. скопилось около 30 китайских граждан без денег и паспортов **[26, с. 573]**.

Следует подчеркнуть, что стихийно проникавшие в Восточную Сибирь иммигранты из Китая обладали высоким криминальным потенциалом **[29, с. 45]**. Многие из них на своей родине какой-либо трудовой деятельностью не занимались. Глубокая материальная нужда побуждала этот постоянно скитавшийся из одной местности в другую криминальный элемент приходить из Китая и в российское приграничье с надеждой на лёгкое и быстрое обогащение **[31, с. 148–155]**. В одних случаях это были маргинальные личности, бродяги и хулиганы (непрофессиональный преступный элемент), а в других – профессиональные преступники **[28, с. 99–100]**. К сожалению, исторические материалы о совершенных преступлениях не всегда дают ясное представление о профессионализме преступников, особенно если преступное деяние было совершено в условиях неочевидности и в последующем осталось нераскрытым **[30, с. 46–47; 31, с. 123–124]**.

Слабый контроль органов власти за переходами таких иммигрантов через государственную границу существенно облегчал их криминальный промысел в Восточной Сибири. Этот фактор позволял иностранным преступникам успешно скрываться от преследования (уходить от розыскных мероприятий органов правопорядка), избегая заслуженного наказания. Согласно историческим свидетельствам, преступникам периодически удавалось спастись от преследования с помощью банального бегства из Российской империи в сопредельное государство **[53]**.

При этом следует отметить, что нередко китайские иммигранты приходили на восточную окраину Российской империи и действовали на её территории не в одиночку, а в составе организованных преступных групп, что ещё больше облегчало их преступную деятельность, затрудняло поимку после совершения преступления и существенно увеличивало количество совершенных иностранцами на территории региона преступлений. Научные данные показывают, что в начале XX в. деятельность китайских организованных преступных группировок достаточно часто фиксировалась правоохранительными органами того времени в Приамурье и Приморье **[50, с. 45]**. Точная численность преступных групп, действовавших в исследуемый период в российско-китайском пограничье, не поддается подсчёту. Известно лишь, что в городах обычно совершали преступления небольшие, а потому неприметные и трудноуловимые преступные группы в составе 3–4 человек. В сельской местности численность организованных преступных групп составляла до 10–40 человек. Некоторые банды были очень крупными, и порой их численность достигала 3 тыс. участников **[28, с. 101–102]**. Особенным разгулом китайской преступности среди всех областей Восточной Сибири и Дальнего Востока обычно выделялась Забайкальская область. Так, к примеру, если во Владивостоке китайские иммигранты в 1909 г. в общей сложности были осуждены за совершение 9 убийств, в Иркутске – 2, то в административном центре Забайкальской области (в Чите) – 34 **[18, с. 130]**.

В Восточной Сибири к контролю миграции через государственную границу в этот исторический период властью привлекались одновременно несколько служб и ведомств: Отдельный корпус пограничной стражи, подразделения казачьих войск, корчемная стража, органы таможенного надзора **[16]**. Однако исторические источники показывают, что деятельность всех перечисленных служб была не особенно эффективной, и китайским преступникам удавалось совершать незаконный бесконтрольный переход через границу без каких-либо затруднений. В качестве примера следует привести жестокое убийство, совершённое в ночь на 11 июля 1912 г. в Нерчинско-Заводском уезде Забайкальской области. В эту ночь три китайца, ночевавшие в доме крестьянина Маркова, жестоко убили жену Маркова, трёх его квартиранток и трёх малолетних детей. Убийцам удалось скрыться от преследования за границей и избежать наказания **(ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. К. 569. Д. 4339. Л. 110)**.

Следует отметить, что от противоправной деятельности иммигрантов страдали не только жители приграничных уездов Восточной Сибири, но и жители населённых пунктов, которые были удалены от границы на достаточно

внушительные расстояния. Так, 3 марта 1916 г. в 9 часов вечера два вооруженных китайца совершили разбойное нападение на железнодорожных рабочих, проживавших в бараке № 44 на 188-й версте железной дороги в Иркутской губернии. Пострадавших от нападения доставляли в медицинское учреждение на станции Слюдянка. Преступники скрылись **[22].** Ещё в качестве примера можно привести убийство, совершённое в ночь на 21 мая 1912 г. на Анхорском переселенческом участке Витимского подрайона, который находился в Верхнеудинском уезде (в настоящее время это территория Республики Бурятия). В эту ночь в собственном доме была убита переселенка Александра Ухалова и её 1,5-годовалый сын, а также ночевавший у них тунгус Баргузинского уезда Гарма Булурдаев, 60 лет. Убийцы похитили более тысячи рублей. Убийство совершено китайскими подданными Цай-си-хаем и Чан-чи-сяном. Сотрудникам полиции по горячим следам удалось задержать только Цай-си-хая, а Чанчи-сян успел скрыться от преследования за границей **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 344)**. Множество преступлений совершали китайские подданные в административном центре Иркутской губернии (г. Иркутске) **[8; 32; 33; 34; 35]**. Ещё больше преступлений совершалось китайскими иммигрантами в административном центре Забайкалья (г. Чите). Например, по подсчётам руководителя читинской полиции, в 1912 г. в г. Чите примерно каждое пятое преступление совершалось китайскими подданными **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 4543. Л. 239–240; Д. 14244. Л. 196)**. В качестве примера можно привести жестокое преступление, которое было совершено в 3 часа ночи 2 октября 1915 г. в г. Чите в доме Шемелина на углу Иркутской и Ононской улиц. Преступник убил кинжалом хозяина квартиры и похитил 1500 рублей. Подозреваемому в убийстве китайскому подданному Хин-вану удалось скрыться от преследования и избежать заслуженного наказания **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10325. Л. 641об)**.

Примечательно, что участки российско-китайской границы в Восточной Сибири органами власти продолжали контролироваться достаточно слабо даже при увеличении подобных преступлений и побегов преступников за границу. Нередко представители пограничных служб вступали в сговор с нарушителями границ и не только не препятствовали, но и помогали нарушителям беспрепятственно пересечь границу **[21, с. 97]**. К отмеченным выше проблемам в охране границы присовокуплялось и то, что обязанности по контролю тех или иных участков периодически перераспределялись как между различными пограничными службами, так и внутри этих служб **[16]**. Слаженность в их работе была достаточно низкой [**17, с. 54–58]**. Среди представителей различных ведомств, контролировавших границу, в исследуемый период наблюдались постоянные конфликты, нередко доходившие до применения огнестрельного оружия **[21, с. 95]**. Служебная деятельность пограничных служб нередко концентрировалась на немногочисленных пропускных пунктах. Да и сам контроль государственной границы фактически осуществлялся незначительной частью всех этих подразделений **[17, с. 5, 7, 28–29; 29, с. 45–47; 41, с. 180]**. Например, численность Забайкальского казачьего войска в исследуемый период составляла около 50 тыс. человек мужского пола, однако непосредственно на охрану государственной границы войско могло выставить около тысячи человек. А это означало, что один казак приходился на 10–15 км забайкальской границы **[1, с. 57]**. Кроме того, помимо основных обязанностей, на пограничные службы государственная власть возлагала ещё и массу второстепенных, вплоть до мер санитарно-эпидемиологического контроля, проведения карантинных мероприятий, охраны дорог, пароходов, крупных лесных заготовок и т. п. **[2, с. 127–129; 7, с. 23; 17, с. 7, 28–29, 34, 62–65, 84]**.

Следует отметить, что относительно недалеко от российско-китайского участка границы были сосредоточены подразделения Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) особого Заамурского округа, штатная численность которого в начале XX в. составляла около 25 тыс. человек. Однако оказать действенную помощь в контроле китайской миграции через государственную границу эти подразделения также не могли. В то время на Заамурский округ ОКПС возлагалась охрана КВЖД длиной в 2 688 км (до сдачи железной дороги в эксплуатацию (т. е. до 1 июля 1903 г.) стража осуществляла охрану строительства и прокладки рельсового пути КВЖД), российского генерального консульства в г. Харбине, консульств в г. Цицикаре и г. Гирине. При этом

в некоторые периоды времени (например, в период русско-японской войны) КВЖД необходимо было охранять в две линии (с двух сторон) **[2, с. 126–128]**. С 1 июня 1908 г. в качестве помощи на участки, охраняемые Забайкальским, Амурским и Уссурийским казачьими войсками, было решено от пограничной стражи Заамурского пограничного округа ежегодно направлять по 3 конные сотни (одна сотня на одно казачье войско). Такая помощь вносила некоторый вклад в борьбу с незаконной миграцией, но большого значения не имела. Три сотни на несколько тысяч вёрст государственной границы было явно недостаточно. Да и командировки стражников длились всего один год. Через год, ещё не успев изучить особенности местности и установить контакты с местным населением, прибывшие стражники вынуждены были покинуть границу и освободить место для очередной командировочной партии **[7, с. 23]**.

Государственная власть пыталась привлечь к борьбе с незаконной иностранной миграцией в Восточной Сибири сотрудников полиции. Однако и полиция была бессильна осуществить должный контроль приграничных участков на российско-китайской границе в силу ещё большей загруженности различными функциональными обязанностями. Так, в 1909 г. вице-губернатор Забайкальской области докладывал иркутскому генерал-губернатору о невозможности принять действенные меры к недопущению в регион нелегальных китайских иммигрантов. Забайкальская граница, по сообщению вице-губернатора, на протяжении 2 тыс. вёрст фактически никем не контролировалась. Населённых пунктов вдоль границы было очень мало. Полицейские подразделения в этом случае были бессильны, т. к. участки обслуживания у уездных полицейских приставов нередко имели протяженность по 150–500 вёрст. К тому же китайские подданные ещё и умело скрывались от представителей российской власти. Высылались в Китай лишь те иммигранты, которые были задержаны вообще без каких-либо удостоверяющих личность документов. Многие же из китайских подданных имели при себе подложные китайские паспорта. Вместе с тем выявить подлог китайского паспорта можно было только с помощью составления письменных запросов в Китай, ответы на которые нередко приходилось ждать месяцами **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 14244. Л. 186–187)**.

В качестве примера задержания китайских уголовников, не имевших каких-либо документов, удостоверяющих личность, следует привести задержание двух беспаспортных китайцев 2 июня 1912 г. Один из задержанных назвался Сю-ван-цаем (28 лет), второй задержанный – Фу-куем (31 год). Как было установлено, в этот день задержанные китайские подданные с целью ограбления совершили убийство крестьянина Тобольской губернии, Николая Сергеевича Макарова, 27 лет. Преступление было совершено недалеко от российско-китайского участка границы на дороге между посёлком Горбица и прииском Горбичанка. Даже незначительное промедление при задержании могло привести к бегству преступников за границу (**ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 10122. Л. 377об)**.

О контролируемости границы на российско-китайском участке и возможности незаконных перемещений через неё в начале XX в. ярко свидетельствуют сами представители пограничных служб. Так, в исследуемый период на территории Восточной Сибири существовал особый слой казаков под названием "караульцы". "Караульцами" обыватели называли казаков, которые расселялись в станицах и посёлках по долинам пограничных рек Восточной Сибири. Такие посёлки нередко имели протяжённость до 3 км и именовались "караулами". По свидетельствам самих "караульцев", к их услугам всегда были бескрайние степи северной части Китая (Маньчжурии). "Караульцы" периодически совершали незаконные переходы через границу на сопредельную территорию для каких-либо личных нужд. Некоторые из "караульцев" за ничтожную плату китайскому чиновнику в виде 3 рублей или "кирпича" зелёного чая без особых затруднений на протяжении всех летних месяцев занимались заготовкой сена в Китае. Нередко "караульцы" уходили со своими стадами в Маньчжурию на всю зиму. Русско-китайская граница начала закрываться только после установления на Дальнем Востоке советской власти. Высокая степень барьеризации границы была достигнута лишь к середине 1930-х гг. До этого же можно было свободно осуществлять переходы туда и обратно в любое время года **[40, с. 194–195]**.

В итоге получалось так, что множество китайских подданных криминальной направленности, среди которых периодически фигурировали и члены организованных преступных групп, занимавшиеся грабежом и контрабандой, с легкостью приходили с северных территорий Китая на российскую территорию **[18, с. 101–102]**. В России эти иммигранты совершали преступления, а после совершения преступлений они безнаказанно, минуя как полицейские облавы, так и пограничные службы, возвращались обратно в Китай и там укрывались от преследований. Сведения о подобных фактах в различных исторических источниках начала XX в. встречаются достаточно часто **(ГАЗК. Ф. 24. Оп. 3. Д. 10. Л. 14–14об; 31) [23, с. 925]**. Так, удалось скрыться за границей и избежать заслуженного наказания 3 китайским подданным, которые в ночь на 23 октября 1911 г. совершили жестокое убийство крестьянской семьи из 3 человек, проживавшей в посёлке Казаковском Читинского уезда Забайкальской области. Главе семейства Ушакову Степану Егоровичу убийцы нанесли множество ударов кинжалом в грудь и живот, его жене Ушаковой Варваре – ножевые ранения в спину и боковую часть тела. Их 17-летнему сыну Ушакову Григорию Степановичу убийцы нанесли один удар топором в голову и 15 ударов кинжалом в живот. Было установлено, что глава семейства накануне преступления впустил убийц в дом и позволил им остаться на ночлег. Убийство было совершено с целью ограбления **(ГАЗК. Ф. 24. Оп. 3. Д. 10. Л. 85–88об)**. Другим примером служит преступление, произошедшее в ночь на 10 июля 1909 г. в посёлке Чикичейском Курлыченской станицы Нерчинского уезда Забайкальской области. В эту ночь двумя неизвестными китайцами с целью ограбления был убит в собственном доме казак Иван Матвеевич Тонких и ранена его жена Матрёна. Убийцам также удалось скрыться от преследования и избежать наказания **(ГАЗК. Ф. 1о. Оп. 1. Д. 7024. Л. 249)**.

Следует отметить, что подобная безнаказанность мотивировала китайских иммигрантов, а особенно китайских профессиональных преступников, в последующем многократно повторять преступное гастролирование на российской территории. Криминологические исследования свидетельствуют, что преступления, за которые не последовало наказания, а также внутреннее осознание преступником реальной возможности избежать ответственности за совершение очередного преступления, являются наиболее сильным побудительным фактором, толкающим преступников на новые преступления **[47, с. 251–253]**.

Тесного сотрудничества российской власти с китайским правительством в деле борьбы как с постоянными перебежками китайских иммигрантов через границу, так и с их криминальной активностью в Российской империи в исследуемый период не наблюдалось. Причин нечастого обращения органов государственной власти России к китайскому правительству было несколько. Во-первых, китайское правительство в начале XX в. явно было бессильно в борьбе с этими негативными явлениями. Во-вторых, всевозможные обращения в адрес китайского правительства могли невольно продемонстрировать иностранному государству собственную слабость, в том числе и слабую защищенность государственной границы с российской стороны **[41, с. 180]**. В итоге автору данной статьи в архивных материалах встречались лишь единичные случаи эффективного взаимодействия российских и китайских государственных органов в решении описанных проблем **[30, с. 122–123]**.

Таким образом, в начале XX в. Восточная Сибирь отличалась высоким уровнем тяжкой преступности. Особенно часто в этом восточном регионе Российской империи совершались убийства. Высокий уровень преступности в Восточной Сибири в начале XX в. во многом был логическим следствием приграничного расположения региона и результатом слабого контроля рубежей страны со стороны органов государственной власти. Это порождало бесконтрольную иностранную миграцию, обладавшую высоким потенциалом криминальности. На территорию Восточной Сибири в это время без особого труда массово (в некоторые годы до 22 тыс. человек) проникали и совершали здесь преступления китайские подданные, которые в дальнейшем, после совершения преступлений, без каких-то особых затруднений возвращались через границу обратно в Китай. Наряду со стихийными китайскими маргиналами, бродягами и хулиганами периодически в регионе совершали преступления и особенно опасные представители профессиональной китайской организован-

ной преступности. Слабый контроль границы мотивировал китайских преступников в последующем повторять преступное гастролирование на российской территории.

Литература / References

1. Алепко А. В. История пограничной охраны России. Хабаровск, 2000. 162 с.
   Alepko A. V. History of the Border Guard of Russia. Khabarovsk, 2000. 162 p. (In Russ.)
2. Алепко А. В. История вооруженных сил России: служба охраны границ (IX–XX вв.). 2-е изд., пер. и доп. М.: Юрайт, 2023. 377 с.
   Alepko A. V. History of the Armed Forces of Russia: Border Guard Service (IX–XX centuries). 2nd ed., trans. and add. M: Yurait, 2023. 377 p. (In Russ.)
3. Беляева Н. А., Лаврик Л. А., Ляпустин С. Н., Попенко А. В., Шабельникова Н. А., Щербина Е. М. Дальневосточная контрабанда как историческое явление: борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй пол. XIX – первой трети XX в.: монография / под общ. ред. Н. А. Беляевой. 2-е изд., доп. М.: Проспект, 2023. 240 с.
   Belyaeva N. A., Lavrik L. A., Lyapustin S. N., Popenko A. V., Shabelnikova N. A., Shcherbina E. M. Far Eastern smuggling as a historical phenomenon: the fight against smuggling in the Russian Far East in the second half. XIX – first third of the XX century: monograph / under the general editorship of N. A. Belyaeva. 2nd ed., add. M: Prospect, 2023. 240 p. (In Russ.)
4. Беляева Н. А. Таможенная служба Приамурья и Забайкалья в условиях Первой мировой войны. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2014. № 4 (69). С. 104–113.
   Belyaeva N. A. Customs Service of the Amur Region and Transbaikalia in the Conditions of the First World War. *Customs Policy of Russia in the Far East*. 2014. No. 4 (69). P. 104–113. (In Russ.)
5. Бойко В. С. Миграционная активность и производственно-экономическая деятельность зарубежных азиатов в алтайском приграничье России в XX – начале 20-х гг. XXI в. *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. 2023. № 11. С. 76–80.
   Boyko V. S. Migration Activity and Production and Economic Activities of Foreign Asians in the Altai Borderland of Russia in the twentieth century and the early 2020s of the twenty-first century. *Ethnography of Altai and Adjacent Territories*. 2023. No. 11. P. 76–80. (In Russ.)
6. Васильева Н. Л. Преступность на Дальнем Востоке: история и современность. *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2017. № 2–7. С. 16–22.
   Vasilyeva N. L. Crime in the Far East: History and Modernity. *Modern Trends in the Development of Science and Technology*. 2017. No. 2–7. P. 16–22. (In Russ.)
7. Вишняков О. В. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке (1897–1918 гг.). автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 27 с.
   Vishnyakov O. V. Activities of the security guard of the CER and the Trans-Amur District of the separate border guard corps to protect the state interests of Russia in the Far East (1897–1918). Abstract of the dissertation ... Candidate of Historical Sciences dissertation abstract. Komsomolsk-on-Amur, 2006. 27 p. (In Russ.)
8. Вымогательство. *Иркутская жизнь*. 1916. № 86. С. 3.
   Extortion. *Irkutsk life*. 1916. No. 86. P. 3. (In Russ.)
9. Гайкин В. А. Межнациональные (китайцы–корейцы–японцы) отношения в Маньчжурии: первая треть XX в. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2019. Т. 2, № 8. С. 159–164.
   Gaikin V. A. Interethnic relations among Chinese, Koreans, and Japanese in Manchuria in the first third of the twentieth century. *Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*. 2019. Vol. 2, No. 8. P. 159–164. (In Russ.)
10. Дацышен В. Г. Китайские рабочие в Иркутской губернии. К проблеме китайского труда в экономике Сибири. *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества*. 2024. № 14. С. 125–131.
    Datsyshen V. G. Chinese workers in the Irkutsk province. On the problem of Chinese labor in the economy of Siberia. *Russia and China: history and prospects for cooperation.* 2024. No. 14. P. 125–131. (In Russ.)
11. Дацышен В. Г. Проблемы китайской миграции Сибири на современном этапе развития России. *Международные исследования. Общество. Политика. Экономика*. 2009. № 1. С. 128.
    Datsyshen V. G. Problems of Chinese migration to Siberia at the present stage of Russia's development. *International studies. Society. Politics. Economy*. 2009. No. 1. P. 128. (In Russ.)
12. Ежегодник России 1908 г. (год пятый). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типография «Т-ва Андерсона и Лойцянского», 1909. 464 с.
    Yearbook of Russia 1908 (the fifth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Printing house «T-va Anderson and Loitsyansky», 1909. 464 p. (In Russ.)

13. Ежегодник России 1909 г. (год шестой). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типо-литография Н. Л. Ныркина, 1910. 476 с.
Yearbook of Russia 1909 (the sixth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: Typography and Lithography of N. L. Nyrkin, 1910. 476 p. (In Russ.)
14. Загорулько А. В. Роль диаспоры в трансграничном регионе (корейцы Приморского края). *Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2023. Т. 40. С. 139–162.
Zagorulko A. V. The Role of the Diaspora in the Cross-Border Region (Koreans of Primorsky Krai). *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2023. Vol. 40. P. 139–162. (In Russ.)
15. Зубарева Ю. В., Пивоварова И.В. Национальный состав самозанятого населения Сибири (по результатам переписи 1897 г.). *Вопросы истории*. 2019. № 3. С. 129–134.
Zubareva Yu. V., Pivovarova I. V. National Composition of the Self-Employed Population of Siberia (Based on the Results of the 1897 Census). *Questions of History*. 2019. No. 3. P. 129–134. (In Russ.)
16. Изменение таможен. *Восточная заря*. 30.11.1910. № 272. С. 6.
Changes in Customs. *Eastern Dawn*. 11/30/1910. No. 272. P. 6. (In Russ.)
17. Карнович С. А., Синиченко В. В. Экономические задачи в деятельности пограничных служб Российской империи на Дальнем Востоке. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2015. 120 с.
Karnovich S. A., Sinichenko V. V. Economic Tasks in the Activities of the Border Services of the Russian Empire in the Far East. Irkutsk: FGKOU VO VSI MVD RF, 2015. 120 p. (In Russ.)
18. Коробченко А. И., Синиченко В. В. История правоохранительной деятельности полицейских служб России в отношении китайского населения в период с 1860 по1917 г. (на примере Восточной Сибири и русского Дальнего Востока). Иркутск: Оттиск, 2011.
Korobchenko A. I., Sinichenko V. V. History of law enforcement activities of the police services of Russia in relation to the Chinese population in the period from 1860 to 1917 (on the example of Eastern Siberia and the Russian Far East). Irkutsk: Ottisk, 2011. (In Russ.)
19. Ланцова Ю. Н. Китайские и корейские рабочие в золотопромышленности Забайкальской области (середина XIX – начало XX вв.). *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. 2009. № 3 (26). С. 126–130.
Lantsova Yu. N. Chinese and Korean workers in the gold mining of the Transbaikal region (mid-19th - early 20th centuries). *Scientific notes of the Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky*. 2009. No. 3 (26). P. 126–130. (In Russ.)
20. Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
Larin A. G. Chinese migrants in Russia. History and modernity. M: Vostochnaya kniga, 2009. 512 p. (In Russ.)
21. Ляпустин С. Н. Особенности контрабандного промысла на российско-китайской границе в начале XX в. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2024. № 2 (107). С. 93–107.
Lyapustin S. N. Features of the smuggling trade on the Russian-Chinese border at the beginning of the 20th century. *Customs policy of Russia in the Far East*. 2024. No. 2 (107). P. 93–107. (In Russ.)
22. Нападение. *Иркутская жизнь*. 1916. № 63. С. 4.
Attack. *Irkutsk life*. 1916. No. 63. P. 4. (In Russ.)
23. Обзор Забайкальской области за 1910 год. Чита: Типография Забайкальского областного правления, 1911. 144 с., приложения и ведомости.
Review of the Trans-Baikal region for 1910. Chita: Printing house of the Trans-Baikal regional government, 1911. 144 p., appendices and statements. (In Russ.)
24. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXV. Забайкальская область / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб: Центральный статистический комитет МВД, 1904. 204 с.
The first general census of the Russian Empire 1897. Vol. LXXIV. Trans-Baikal region / ed. by N. A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 204 p. (In Russ.)
25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. T.LXXV. Иркутская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1904. 172 с.
The First General Population Census of the Russian Empire, 1897. Vol. LXXV. Irkutsk Province / edited by N. A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904. 172 p. (In Russ.)
26. Петров А. И. История китайцев в России: 1856–1917 гг. СПб.: Береста, 2003. 958 с.
Petrov A. I. History of the Chinese in Russia: 1856–1917. SPb: Beresta, 2003. 958 p. (In Russ.)
27. Петров А. И. Изучение китайцев в России 1858–1884 гг. *Россия и АТР*. 2022. № 1 (115). С. 188–208.
Petrov A. I. Study of the Chinese in Russia 1858–1884. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2022. No. 1 (115). P. 188–208. (In Russ.)
28. Петров А. С. Влияние китайской организованной преступности на криминальную обстановку Восточной Сибири в начале XX в. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 3. С. 98–107.

Petrov A. S. The influence of Chinese organized crime on the criminal situation in Eastern Siberia at the beginning of the 20th century. *Ojkumena. Regional researchers*. 2023. No. 3. P. 98–107. (In Russ.)
29. Петров А. С. Значение огнестрельного оружия в криминализации Восточной Сибири в начале XX в. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2024. № 1. С. 81–89.
Petrov A. S. The Importance of Firearms in the Criminalization of Eastern Siberia at the Beginning of the Twentieth Century. *Ojkumena. Regional researchers*. 2024. No. 1. P. 81–89. (In Russ.)
30. Петров А. С. Китайские подданные в дореволюционное время как проблемный элемент в деятельности органов государственной власти Забайкалья // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2012. № 6. С. 45–47.
Petrov A. S. Chinese Subjects in Pre-Revolutionary Times as a Problem Element in the Activities of State Authorities of Transbaikalia // *State Authority and Local Self-Government*. 2012. No. 6. P. 45–47. (In Russ.)
31. Петров А. С. Русско-китайский инцидент на забайкальской границе в 1911 году // IV Петряевские чтения: материалы региональной научно–практической конференции, посвященной 360-летию города Нерчинска и 100-летию со дня рождения краеведа Е.Д. Петряева (Чита, 13–15 февраля 2013 г.) / Забайкал. гос. ун-т. Чита, 2013. С. 122–125.
Petrov A. S. The Russian-Chinese incident on the Transbaikal border in 1911 // IV Petryaev Readings: Proceedings of the regional scientific and practical conference dedicated to the 360th anniversary of the city of Nerchinsk and the 100th anniversary of the birth of local historian E.D. Petryaev (Chita, February 13–15, 2013) / Transbaikal. state University. Chita, 2013. P. 122–125. (In Russ.)
32. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. М.: ОГИЗ, 1947. 346 с.
Przhevalsky N. M. Travel in the Ussuri region. 1867–1869. M: OGIZ, 1947. 346 p. (In Russ.)
33. Происшествия. *Иркутская жизнь*. 1916. № 79. С. 3.
Incidents. *Irkutsk life.* 1916. No. 79. P. 3. (In Russ.)
34. Происшествия. *Иркутская жизнь*. 1916. № 81. С. 3.
Incidents. *Irkutsk Life*. 1916. No. 81. P. 3. (In Russ.)
35. Происшествия. *Иркутская жизнь*. 1916. № 178. С. 3.
Incidents. *Irkutsk Life*. 1916. No. 178. P. 3. (In Russ.)
36. Розыски пропавшего китайца. *Восточная заря*. 1910. № 136. С. 2.
Search for a Missing Chinese. *Eastern Dawn*. 1910. No. 136. P. 2. (In Russ.)
37. Рудокопов В. Н. Хунхузы. *Исторический вестник*. 1910. № 6. С. 924–956.
Rudokopov V. N. Honghuzy. *Historical Bulletin*. 1910. No. 6. P. 924–956. (In Russ.)
38. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 24. Часть 1. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1908 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1910.
Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 24. Part 1. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European Russia for 1908. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. (In Russ.)
39. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 24. Часть 2. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1908 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенат. тип., 1910.
Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 24. Part 2. Information on the personnel and activities of judicial institutions of Asian Russia for 1908. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1910. (In Russ.)
40. Сборник статистических сведений министерства юстиции. Выпуск 25. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1909 г. Издание 1 Департамента МЮ по 3-му делопроизводству, статистического отделения. СПб.: Сенатская типография, 1911.
Collection of statistical information of the Ministry of Justice. Issue 25. Information on the personnel and activities of judicial institutions of European and Asian Russia for 1909. Edition 1 of the Department of the Ministry of Justice for the 3rd office work, statistical department. St. Petersburg: Senate Printing House, 1911. (In Russ.)
41. Сибиряков Н. С. Конец Забайкальского казачьего войска // Минувшее. Исторический альманах. Том 1. М.: Прогресс, 1990. 290 с.
Sibiryakov N. S. The End of the Transbaikal Cossack Host // The Past. Historical Almanac. Vol. 1. M.: Progress, 1990. 290 p. (In Russ.)
42. Синиченко В. В. Вооруженное вторжение в Россию китайских незаконных формирований в июле 1915 г. (неизвестные страницы истории Первой мировой войны). *Известия Лаборатории древних технологий*. 2019. Т. 15, № 3. С. 177–189. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189
Sinichenko V. V. Armed invasion of Russia by Chinese illegal formations in July 1915 (unknown pages of the history of the First World War). *Bulletin of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2019. Vol. 15, No. 3. P. 177–189. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-3-177-189

43. Синиченко В. В. Деятельность корчемной стражи и акцизного надзора на востоке Российской империи. *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2020. № 2 (88). С. 20–27.
Sinichenko V. V. Activities of tavern guards and excise supervision in the east of the Russian Empire. *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 2 (88). P. 20–27. (In Russ.)
44. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Восточно-Сибирский институт МВД России, 2003. 191 с.
Sinichenko V. V. Offenses committed by foreigners in the east of the Russian Empire in the second half of the 19th - early 20th centuries. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 191 p. (In Russ.)
45. Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917). М: Наука, 1989. 127 с.
Soloviev F. V. Chinese seasonal work in the Russian Far East during the era of capitalism (1861-1917). M: Nauka, 1989. 127 p. (In Russ.)
46. Статистический ежегодник России 1912 г. (год девятый). Издание центрального статистического комитета МВД. СПб.: Б. и., 1913. 12 отд.
Statistical yearbook of Russia for 1912 (the ninth year). Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. St. Petersburg: B.i., 1913. 12 sec. (In Russ.)
47. Тарасов А. П. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита: РИС Заб ГПУ, 2003. С. 36–49.
Tarasov A. P. Transbaikalia and China: an attempt to analyze international relations. Chita: RIS ZabGPU, 2003. P. 36–49. (In Russ.)
48. Ферри Э. Уголовная социология / пер. с пятого фр. изд. 1905 г. О. В. Познышевой, О. В. Гольденвейзера, Н. А. и Г. Я. Зак, В. П. Поливанова. М.: ИНФРА–М, 1993. 253 с.
Ferri E. Criminal sociology / trans. from the fifth French edition of 1905 by O. V. Poznysheva, O. V. Goldenweiser, N. A. and G. Ya.Zak, V. P. Polivanova. M: INFRA-M, 1993. 253 p. (In Russ.)
49. Хроника. О золотопромышленности. *Иркутская жизнь*. 06.09.1914. № 2. С. 3.
Chronicle. On the gold mining. *Irkutsk life*. 06.09.1914. No. 2. P. 3. (In Russ.)
50. Шабельникова Н. А., Беляева Н. А. Деятельность правоохранительных органов и спецслужб на Дальнем Востоке России в ракурсе современных отечественных исследований. *Клио*. 2023. № 7 (199). С. 29–38.
Shabelnikova N. A., Belyaeva N. A. Activities of law enforcement agencies and special services in the Russian Far East from the perspective of modern domestic research. *Clio*. 2023. No. 7 (199). P. 29–38. (In Russ.)
51. Шабельникова Н. А. Исторический феномен хунхузничества в рамках современной историографии. *Клио*. 2021. № 3 (171). С. 45–52.
Shabelnikova N. A. The historical phenomenon of Honghuzi banditry in contemporary historiography. *Clio*. 2021. No. 3 (171). P. 45–52. (In Russ.)
52. Шабельникова Н. А. Хунхузничество как особый вид бандитизма на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Материалы Второй международной научной конференции / отв. ред. С. М. Дударёнок, М. А. Тулиглович. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2017. С. 413–418.
Shabelnikova N. A. Honghuznichestvo as a special type of banditry in the Russian Far East in the 1920s // Vladivostok – the point of return: the past and present of Russian emigration. Proceedings of the Second international scientific conference / ed. S. M. Dudarenok, M. A. Tuliglovich. Khabarovsk: RIO DVUI MVD of Russia, 2017. P. 413–418. (In Russ.)
53. Шалости китайцев. *Восточная заря*. 30.11.1910. № 272. С. 6.
Pranks of the Chinese. *Eastern dawn*. 30.11.1910. No. 272. P. 6. (In Russ.)

◆

Информация об авторе

Артем Сергеевич Петров, канд. ист. наук, доцент кафедры международного права и международных связей Забайкальского государственного университета, Чита, Россия, e-mail: partem11@rambler.ru

Information about the author

Artem S. Petrov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Law and International Relations, Transbaikal State University, Chita, Russia, e-mail: partem11@rambler.ru

Поступила в редакцию 30.03.2025 Одобрена после рецензирования 18.08.2026 Принята к публикации 25.08.2026

Received 30.03.2025 Approved 18.08.2026 Accepted 25.08.2026